

Иван Стоцкий

пгт. Верх-Чебула

Я из Нижнего был Тагила

Я из Нижнего был Тагила,
А под Брянском моя могила,
У окопа немецкого, вражьего,
Там, где я захоронен был заживо...

Мне, советской страны солдату,
Дали в руки кирку и лопату
И последний «земельный пай»
И сказали по-русски: «Копай!»

И смеялись, и шнапс свой пили,
И, конечно, меня торопили:
«Шнеллер, шнеллер, Иван, давай, –
Поторапливайся, не зевай!»

Я долбил, я копал себе яму,
Вспоминал и сестрёнку, и маму,
И отца, что под Курском лежал,
Как на фронт я из дома сбежал...

Не узнает, наверное, мама,
Где находится эта вот яма,
И того, что звала в детстве Вова,
Закопают фашисты живого...

Моя родина в Нижнем Тагиле,
Вот стою я по пояс в могиле,
И промокла моя гимнастёрка:
«Эй, фашист, я тебе не “шестёрка”!»

И штыковка летит в долговязого,
А кирка в упыря одноглазого,
Не на шутку они разозлились,
Всей толпой на меня навалились!

Я, с зажатой землёй в моей горсточке,
Услыхал, как трещат мои косточки...
Уж потешилась вражья та сила,
Так их злоба моя взбесила!

Им уже ничего не мешало.
Слышал я, как земля зашуршала,
Как тяжёлым комком грудь сдавило,
Как дыхание воздух ловило...

На последнем, последнем дыхании,
На последнем груди колыхании:
«Будьте прокляты!» – выдохнул своре
И представил всё мамино горе...

Я хочу, чтоб средь праздников были
Вы, живущие, вдруг не забыли,
Когда солнце в зените к обеду, –
Чем солдат заплатил за Победу...

Война не из штабного блиндажа,
А из того промёрзшего окопа,
А дальше – жизнь и смерть и та межа,
За ней Смоленск, Варшава и Европа.
Но до того шагать, бежать, ползти,
Грязь впитывая старенькой шинелью,
Где даже выжить может повезти,
Под той, дождя свинцового шрапнелью.
Война не из штабного блиндажа,
Но память, до сих пор ещё свежа...

О той войне

Встречаются порой два «яка»,
Потолковать о той войне...
И судят, скажем так, двояко,
Что мне обиднее вдвойне:
«Какой, скажите, он вояка,
Когда успел повоевать?..»
Не надо. О войне. Двояко.
Там надо просто побывать...